

В этот час Циньийюань не освещал ни единый огонёк, отчего он казался на редкость мрачным и глубоким. Пожилая служанка, отправленная передать слова, стояла у ворот двора и, глядя на эту кремешную тьму, невольно чувствовала, как по спине пробегают мурашки. Она сглотнула слюну, набралась храбрости, подняла руку и постучала в ворота.

Раздался скрип, и створки приоткрылись. Ханьсин стояла на пороге, холодно глядя на служанку. Её голос прозвучал ровно и бесстрастно:

— Зачем пожаловала?

Служанка от одного взгляда Ханьсин вздрогнула всем телом, торопливо опустила голову, и голос её слегка задрожал:

— Начинается... начинается семейный ужин, господин гонконгский князь велел старшей барышне немедленно идти туда.

Услышав это, Ханьсин сохранила бесстрастное выражение лица, а тон её остался прежним:

— Барышня отдыхает, так что не пойдёт.

Сказав это, она не дожидаясь ответа служанки, с грохотом захлопнула ворота, оставив ошеломленную женщину стоять снаружи в полной растерянности.

Служанка добрую минуту простояла в оцепенении, прежде чем прийти в себя. Глядя на плотно закрытые ворота, она испытывала одновременно испуг и страх. Женщина поспешно развернулась и зашагала прочь, мысленно бормоча себе под нос:

До чего же жуткий этот двор старшей барышни, даже ни единого фонаря не зажгут...

Внутри Циньийюаня Ханьсин вернулась в главную комнату и, стоя у входа, негромко произнесла:

— Хозяйка, посланницу прогнали.

Шэнь Яоюй лежала на шезлонге у окна и смотрела на лунный свет за стеклом. Её глаза сияли, подобно ярким звездам, отражая мириады искорок. Лунный свет падал на неё и на серебряную маску, создавая легкое сияние, словно на плечах была наброшена серебряная вуаль.

Черные, как смоль, волосы водопадом спадали до самого пола, мягкие и струящиеся. Легкий ветерок принес с собой несколько прядей, которые колыхались на лету.

Услышав слова Ханьсин, Шэнь Яюй перестала легко постукивать пальцами по подлокотнику кресла и закрыла глаза.

Shuanghua, глядя на хозяйку в этот момент, мысленно подумала: и впрямь похожа на холодную, застывшую в инее нефритовую бодхисаттву, нет... скорее уж на злого духа...

*

Атмосфера в парадном зале становилась всё более напряженной. Второименной господин Шэнь Юань изначально рассчитывал воспользоваться случаем, чтобы выпросить у старшего брата, князя Гогуну, немного серебра и залатать собственные изрядно похудевшие тайные сбережения, но, заметив мрачное лицо князя, так и не осмелился заговорить первым и был вынужден лишь молча попивать чай, потупив взгляд.

Все присутствующие в зале то и дело бросали взгляды на вход, ожидания появления Шэнь Яюй, которая могла бы разрядить эту давящую обстановку. Однако, когда дрожащая от страха служанка вернулась с докладом, атмосфера в зале взорвалась в мгновение ока.

Докладываю князю Гогуну, старшая барышня... старшая барышня... служанка сказала, что она отдыхает, так что не придет.

Голос служанки дрожал, она низко опустила голову и не смела взглянуть на лицо князя Гогуну.

Едва слова затихли, по залу пронесся ропот. Вторая госпожа Сюй не удержалась и тихо ахнула:

— Это... как же так... — заметив бесстрастное, холодное лицо У-ши, она спешно заглотнула готовые сорваться с языка слова о приличиях и поправила себя: — Разве можно пропускать семейный ужин просто потому, что не хочется идти?

В её глазах при этом мелькнул злорадный огонек.

Третья госпожа Чэнь ничего не сказала, но посмотрела на У-ши, желая узнать, что та намерена предпринять.

Лицо князя Гогуну, до того мрачное, при этих словах вдруг озарилось улыбкой. С неподдельным интересом он переспросил:

— Она действительно так сказала?

Увидев неожиданную улыбку князя, служанка испуганно задрожала всем телом и тут же опустилась на колени, едва выдавившая из себя слова:

Да... да, князь Гогун. Рабыня не смеет лгать.

— Ладно, раз главная виновница отсутствует, то и семейный ужин отменяется.

Князь Гогун поднялся на ноги, махнул рукой и, бросив эти слова с полным равнодушием, тут же удалился.

У-ши с таким же мрачным лицом поднялась и последовала за ним.

Оставшиеся в зале переглянулись. Вторая госпожа Сюй произнесла:

— Раз угощение уже готово, разве не жалко всё это оставлять?

Она повернулась к стоявшей рядом матушке Чжэн:

— Ступай на кухню, пусть подают блюда. Мы и так прождали столько времени, надо же в конце концов поесть.

Третий господин Шэнь Гуй выпрямился, обвел всех взглядом и бросил:

— Ешьте сами, я ухожу.

С этими словами он поднялся и широким шагом вышел из зала. Чэнь-ши, верная заветам муж — голова, жена — шея, тут же последовала за ним.

Вторая госпожа покосилась на своего мужа, выражая взглядом вопрос: ты идешь или нет?

Второименной господин бросил на нее ответный взгляд:

— С какой стати? Есть еда — почему я должен уходить?

Шэнь Яогуан, наблюдая за этой сценой, мысленно усмехнулась: не бывать бы им в одной семье, если бы не сошлись.

Вскоре на стол подали изысканные кушанья. Глядя на это изобилие редких деликатесов, Шэнь Яогуан вздохнула:

— Госпожа и впрямь постаралась на славу, здесь богаче, чем на новогоднем ужине.

Шэнь Яочжи подложила ей в пиалу кусок утки с восемью сокровищами:

— Ешь давай, всё равно твой рот не заткнешь ничем другим.

— Ох, я буду преобразовывать скорбь в силу!

С этими словами она принялась уплетать еду за обе щеки. Остальные, глядя на то, как она совершенно забыла о манерах, могли лишь завидовать — как же легко жить, когда никто тебе не указ.

Под скорбью Шэнь Яогуан имела в виду невозможность лицезреть усладу для глаз — старшую сестру. К тому, что старшая сестра пропустила семейный ужин, она относилась одновременно с удивлением и пониманием. С самого момента появления в поместье князя от той исходило непреодолимое отчуждение — аура из разряда «не подходи к лачуге». Если уж с собственной матерью она вела себя подобным образом, то что говорить об остальных?

Станным было лишь поведение ее новоявленного папаши: он ничуть не разгневался на открытый бунт старшей сестры против отцовского авторитета. Неужели таковы привилегии законной дочери?

Этот ужин каждый ел со своими тайными мыслями, поэтому на столе осталось немало еды. Шэнь Яогуан тут же велела матушке Чжань собрать остатки с собой. Окружающие устали на нее с полным оцепенением. Как можно обладать столь вопиющей бессовестностью и при этом сохранять столь невозмутимый вид?

Обычно эти остатки со стола жаловали слугам, а она, благородная девица из княжеского рода, забирала еду прислуги — до чего же неприлично!

Шэнь Яогуан совершенно не волновало, что думают эти люди. Поручив матушке Чжань упаковать пару её любимых блюд, она беззаботно вернулась в свои покои. Оставшаяся позади вторая госпожа с трудом подавила в себе внезапный порыв тоже прихватить еды и холодно бросила:

— Поели — и расходитесь, чего еще тут расселись?

С этими словами она раздраженно вильнула бедрами и удалилась.

*

Выйдя из парадного зала, У-ши напрямую направилась в Циньийюань, но, добравшись туда, обнаружила, что во всем дворе не горит ни единого огонька. Бушующая в ее сердце буря горечи и гнева неожиданно улеглась среди этих погруженных во тьму, переплетающихся тенями строений.

Она молча смотрела на темные ворота двора, а её покрасневшие глаза были полны безграничного раскаяния. Простояв так какое-то время, она испустила долгий вздох и с чувством глубокой утраты удалилась.

Вернувшись в свою спальню, У-ши обессиленно опустилась на софу, словно потеряв душу. Матушка Цэнь с болезненным сочувствием смотрела на госпожу, которую вырастила своими руками. Отослав служанок, она тихонько подошла, присела на край софы и нежно утешила:

— Госпожа, не терзайте себя так.

— Матушка, когда вы зовете меня госпожой, мне кажется, будто я вернулась на двадцать с лишком лет назад... как же счастлива я тогда была, — пробормотала У-ши, и её глаза мгновенно снова покраснели. Она прильнула к плечу матушки Цэнь и тихо всхлипнула: — Это же его единственная плоть и кровь... Я так ненавижу себя, что готова вернуться в прошлое и убить собственными руками.

— Милая моя... — матушка Цэнь с болью в сердце погладила У-ши по спине, успокаивая: — Вы ведь тогда ничего не знали. Теперь остается лишь всё исправить.

У-ши выпрямилась, вытерла слёзы платком и твердо произнесла:

— Матушка права. Чего бы ни пожелала Юй-эр, я разобьюсь в лепёшку, но исполню это, даже если придется отдать жизнь.

Видя, что У-ши вновь обрела решимость, матушка Цэнь, хотя изначально и не желала столь радикальных мер, могла лишь беспомощно вздохнуть и выразить свою поддержку:

— Хорошо. Как госпожа скажет, так и будет — я и эту старую жизнь положу, лишь бы помочь вам.

<http://bllate.org/book/21409/2184850>